

УДК 908(292.471): ГРИНЕВИЧ (470)Крым

DOI: 10.29039/2413-1741-2025-11-1-93-111

МЕЖДУ КЕРЧЬЮ И СЕВАСТОПОЛЕМ:

К. Э. ГРИНЕВИЧ В 1924 ГОДУ

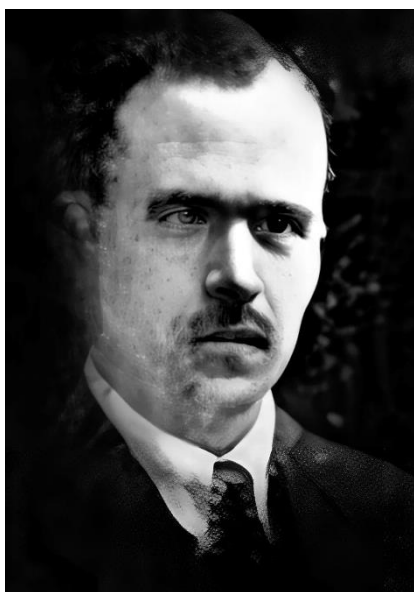
Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

Исследование продолжает сюжетную линию «Гриневич и Керчь», начатую автором в публикациях предыдущих лет. На основе выявленных документов из рукописного отдела Научного архива Института истории материальной культуры РАН, которые впервые вводятся в научный оборот, воссоздана история одного года из богатой творческой биографии крупного археолога, музейного деятеля Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970). Рубежный период биографии историка связан с получением им поста уполномоченного по делам музеев Севастопольского района, а затем и директора Херсонесского археологического музея. Рассмотрены коммуникации К. Э. Гриневича в этот период. Новый руководитель музейного объединения в Севастополе организовал на базе Херсонесского музея всесоюзный научный семинарий по изучению античной и средневековой истории. Однако его новация не была поддержана учеными из Российской академии истории материальной культуры. В публикации приведен текст краткого отчета К. Э. Гриневича о руководимой им археологической экспедиции на Керченском полуострове в 1924 году, тексты его писем в Археологический отдел Музейного отдела Главнауки Наркомата просвещения РСФСР.

Ключевые слова: К. Э. Гриневич, Керченский историко-археологический музей, Херсонесский археологический музей, Семинарий по изучению Херсонеса, археологическая экспедиция на Керченском полуострове, Музейный отдел Главнауки Наркомпроса РСФСР.

Состояние научной разработки биографии и творчества одной из знаковых фигур исторического крымоведения и российского музееведения – Константина Эдуардовича Гриневича (1891–1970) – довольно далеко даже до попытки первого обобщения. Историка посвящены лишь отдельные статьи, где раскрыты общие моменты биографии (энциклопедические справки и памятные публикации к его юбилеям) и некоторые сюжеты его деятельности. В частности, благодаря находке корпуса новых документов мы смогли осветить ранее совсем «темный» период биографии историка в смутные годы Гражданской войны, когда К. Э. Гриневич служил директором Керченского музея древностей (1919–1921) [1]. По его словам, он занимал «этот ответственный и, можно сказать, исторический пост» [2]. При этом вырисовался интереснейший пласт информации о роли ученого в организации и работе второго высшего учебного заведения, открытого на полуострове в смутные годы – Боспорского университета [3; 4]. В связи с неординарной ролью исследователя в развитии крымской археологии и организации музейного дела в СССР любой новый

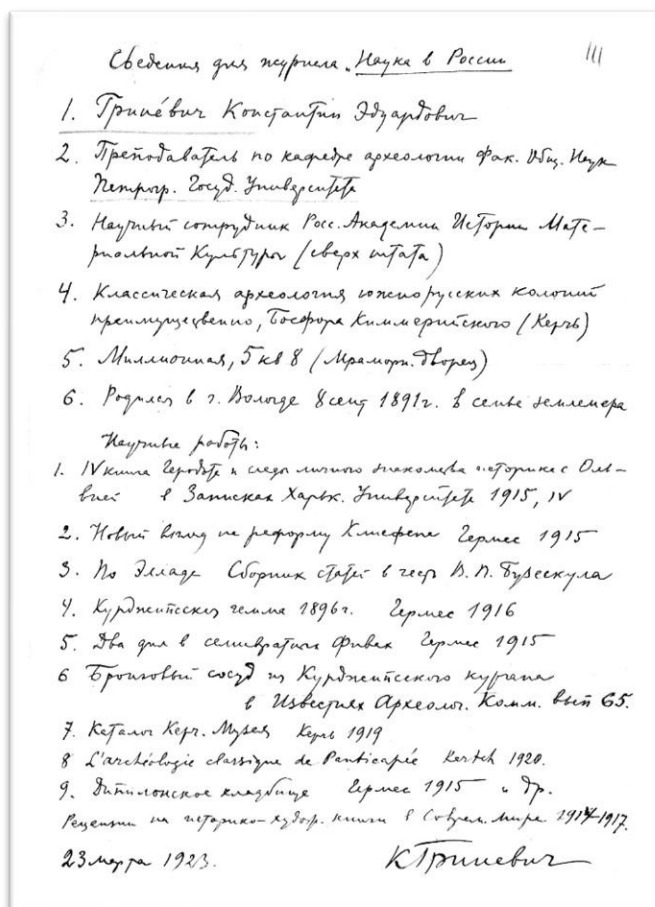
*Константин Эдуардович Гриневич.
20-е годы XX века*

документ, способствующий дополнительному раскрытию биографии ученого представляет интерес и способствует ликвидации лакун при воссоздании его творческого пути.

«Керченский» период биографии археолога закончился фактическим бегством из приморского города в июле 1921 года. Дождавшись установления регулярного железнодорожного сообщения со столицами, он, в условиях установившегося в Крыму жестокого голода, бросил музей древностей на произвол судьбы. Оформив в возглавляемом им музее отпуск, К. Э. Гриневич выехал в Петроград [5, л. 48–49, 53–54]. В Керчь историк не вернулся и тем самым вызвал понятное неприятие его поступка со стороны руководства курирующей музей Российской академии истории материальной культуры. Этот факт биографии Гриневича на долгие годы испортил его отношения с археологами из РАИМК–ГАИМК. Возвратившись в Петроград, Константин Эдуардович восстановился в

должности преподавателя по кафедре археологии Петроградского государственного университета. В своих анкетах он указывал, что одновременно состоял сверхштатным научным сотрудником Российской академии истории материальной культуры [6, л. 111].

На протяжении 1922–1923 годов в Петрограде К. Э. Гриневича не покидало желание продолжать начатые в суровые годы лихолетья исследования античных городов Боспора. Он договорился с руководством вуза об организации археологической экспедиции от Петроградского университета. Она должна была совмещаться со студенческой археологической практикой. Реализация этой программы намечалась с сезона 1924 года. Этот год выбран нами для сюжета статьи не случайно. Он знаковый в биографии Константина Гриневича. Именно тогда историк был назначен Наркоматом просвещения Крымской АССР уполномоченным по делам музеев Севастопольского района и заведующим Археологическим музеем в Херсонесе. Естественно, молодой археолог переехал в Севастополь. Этот рубежный период его биографии не изучен. Выявленные нами документы, относящиеся к этому яркому году жизни крымоведа, позволяют раскрыть неизвестные моменты его жизни, восстановить линии коммуникаций при возвращении Константина Эдуардовича в крымскую научную среду уже в иных (советских) реалиях.

Собственноручно составленный список трудов К. Э. Гриневича.
1923 год. Из фондов СПбФ АРАН

В январе 1924 года К. Э. Гриневич на средства, выделенные университетом, совершил поездку в Керчь, где составил перспективные планы работ в археологический сезон этого года для отдельной экспедиции университета под его руководством. Для согласования археологических исследований в КрымОХРИСе Константин Эдуардович побывал и в Симферополе, где получил разрешение от руководителей этого памятниковоохранного ведомства. Понимая, что в Российской академии истории материальной культуры его инициативы не встретят поддержки, Гриневич обратился за разрешением в Археологический подотдел Музейного отдела Наркомпроса РСФСР. Да, собственно, именно московские чиновники принимали решение. От петроградских товарищей требовались лишь научные рекомендации, без коих можно было обойтись.

Заметим, что если в досоветские времена без специалистов из Археологической комиссии невозможно было решить вопрос о получении Открытого листа, то ко времени описываемых событий ситуация была иная. В стране появился новый орган, курирующий археологические исследования. Им стал Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомата просвещения РСФСР.

*Василий Алексеевич Городцов
в зале его имени в Историческом
музее. 1923 год*

Произошло разделение научной и административной функции в археологии между Российской академией истории материальной культуры (бывшей Археологической комиссией), которая продолжала осуществлять научное курирование всех археологических изысканий, и Наркомпросом РСФСР, который выдавал разрешения на раскопки (Открытые листы). Внутри Наркомпроса непосредственно выдачей Открытых листов занимался Археологический подотдел Музейного отдела [7, с. 101–102]. Этим учреждением с момента его появления руководил крупнейший российский археолог Василий Алексеевич Городцов (1860–1945). К нему и обратился Гриневич в январе 1924 года, когда возвращался в Ленинград из Керчи, воспользовавшись пересадкой в Москве.

«В Археологический подотдел Отдела по делам музеев Наркомпроса.

Преподавателя по кафедре археологии
Петроградского государственного университета Константина Эдуардовича
Гриневича

заявление.

Настоящим прошу выдать мне Открытый лист на производство археологического обследования побережья Керченского пролива (крымского берега) в течение лета 1924 года. Задача обследования состоит в выявлении всех городищ, курганов и валов, которые имеются налицо, составлении точных планов городищ, добывании монолитов для последующего научного изучения и в конечном результате, в составлении эскиза археологической карты. Помощь обещал проф. Петр[оградского] ун-та К. В. Кудряшев, работающий в области древней русской истории и ассистент Географического института И. И. Бобков [так в тексте], по специальности геоморфолог и топограф. Обещано участие трех студентов Университета, моих слушателей. Обозначена точная фото- и топографическая съемка. Настоящая задача является неотложно-необходимой, так как ежегодно море наступает во многих местах на берег, унося драгоценные следы городищ и др.

остатков старины, а также многие городища заселяются. Местность мне хорошо известна, так как в течение двух лет я заведовал Керченским музеем древностей, проводил систематическое обследование края.

В настоящий момент я нахожусь проездом в Москве из Керчи, куда ездил в научную командировку от Петроградского университета, и как раз произвел на месте осмотр (пешеходный) всего побережья пролива (от Опука до хутора Осовина и от Тамани до Зеленой горы), чтобы выяснить все предварительные вопросы археологического обследования. Таким образом, предварительная работа уже исполнена.

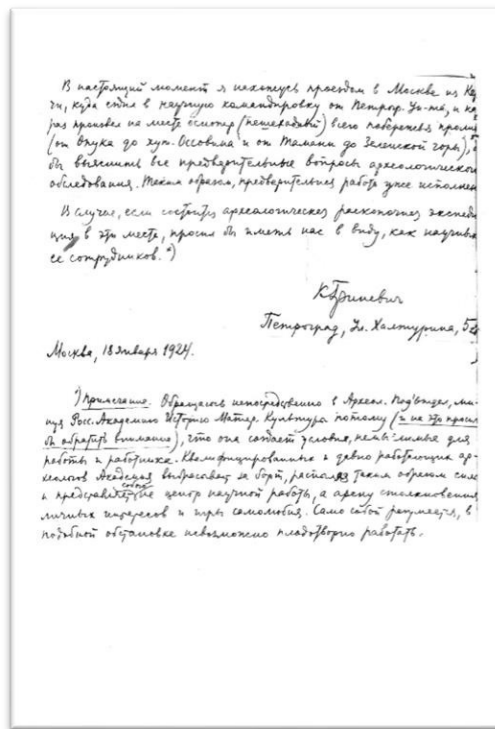
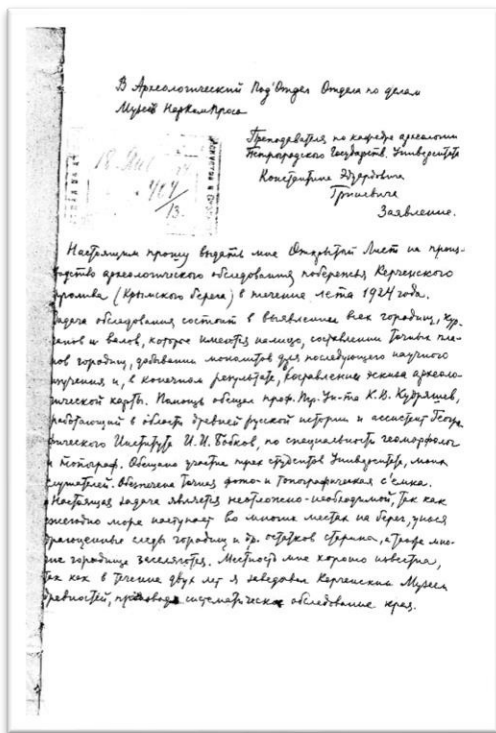
В случае, если состоится археологическая раскопочная экспедиция в эти места, просил бы иметь нас ввиду, как научных сотрудников.*

К. Гриневич.

Петроград, ул. Халтурина, 5.

Москва, 18 января 1924.

*Примечание.

Письмо К. Э. Гриневича в Археологический подотдел Музейного отдела Главнауки Наркомпроса РСФСР 18 января 1924 года. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Обращаюсь непосредственно в Археологический подотдел, минуя Российскую академию истории материальной культуры, потому (и на это просил бы обратить внимание), что она создает условия, немыслимые для работы и работника. Квалифицированных и давно работающих археологов Академия выбрасывает за борт, распыляя таким образом силы и представляет собой не центр научной работы, а арену столкновения личных интересов и игры самолюбия. Само собой разумеется, в подобной обстановке невозможно плодотворно работать» [8, л. 1–1 об.]

Письмо предоставляет информацию о составе научных работников планируемой экспедиции, где кроме самого К. Э. Гриневича обозначены специалисты по исторической географии и картографии. Упомянутый Константин Васильевич Кудряшев (1885–1962) – выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета (1911 г.), ученик академика С. Ф. Платонова. Профессором, как указал Гриневич, в момент написания письма он не являлся. С 1923 года К. В. Кудряшев работал в Петроградском гос. университете научным сотрудником разряда русской истории факультета общественных наук. С 1925 года историк перешел на должность доцента (до 1929 г.) исторического факультета и только с 1931 года занял в Ленинградском гос. университете должность профессора. Возможно, К. Э. Гриневич так назвал коллегу зная о его прежней должности. В 1918–1922 годах К. В. Кудряшев выполнял обязанности доцента, затем профессора, а в 1920–1922 годах также руководил Восточным отделением внешних сношений Восточно-Сибирского университета, открытого в 1918 году в Иркутске. Константин Васильевич являлся не только специалистом в области древнерусской истории и истории России конца XVIII – первой половины XIX века, но и, что было в данных условиях важным, исторической географии. Именно он стал автором больших настенных карт, отдельных карт по древнерусской географии в «Новой

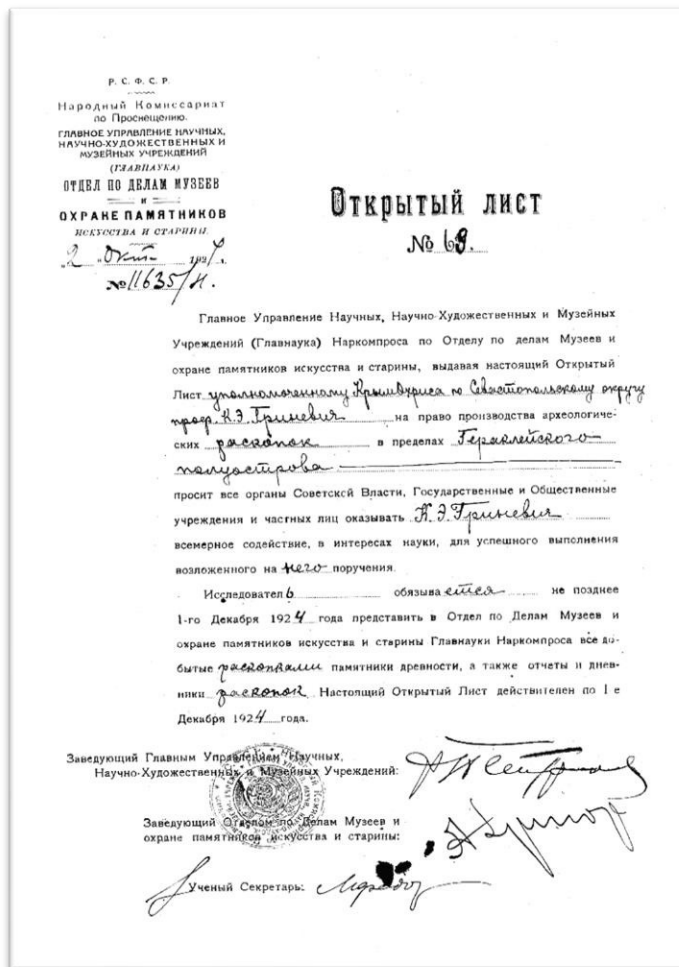

Иван Иванович Бабков

энциклопедическом словаре», популярного в стране издательства Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, консультантом-редактором по историческим картам в «Большой» и «Малой» Советских энциклопедиях [9, л. 3–9].

Фамилию географа Ивана Ивановича Бабкова (1891–1971) Гриневич искажил. Правильное написание через «а». Уроженец Симферополя, И. И. Бабков много лет отдал изучению Крыма и стоял у истоков основания Крымского филиала Всесоюзного географического общества. Он служил в

учрежденном в 1918 году в Петрограде Географическом институте – первом специализированном учебном заведении в России в области наук о Земле. Через семь лет этот вуз вошёл в состав Ленинградского гос. университета. В течение 53 лет на географическом факультете Ленинградского госуниверситета ученый читал курсы лекций по геоморфологии, физической географии и ежегодно проводил со студентами полевые практики в Крыму [10, л. 5–8]. Консультации знатока географии были необходимы К. Э. Гриневичу при составлении заявленной археологической карты района.

Открытый лист К. Э. Гриневичу. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Открытый лист К. Э. Гриневич получил без каких-либо проблем. Об этом свидетельствует его записка в ГлавМузей от 3 апреля 1924 года:

«В ГлавМузей.
Преподавателя Ленинградского
государственного университета К. Э. Гриневича
Заявление.

Настоящим сообщаю, что Открытый лист на право обследования Керченского полуострова и побережья Керченского пролива за № 1779 от 1 марта 1924 г. мною получен, за что приношу благодарность.

К. Гриневич

3/IV 1924 г.» [8, л. 8].

Очевидно, весной между К. Э. Гриневичем и руководившим Крымским отделом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта А. И. Полкановим прошли консультации о возможности для Гриневича возглавить отдел по делам музеев Севастопольского района. Щекотливость ситуации была в том, что Гриневич должен был сменить на посту его давнего знакомого и коллегу Л. А. Моисеева, который сыграл ключевую роль в его судьбе.

В ГлавМузей
Преподаватель Ленинград-
ского госуд. университета
К. Э. Гриневич
Заявление.

Настоящим сообщаю, что Открытый лист на право
обследования Керченского полуострова и побережья Керч.
пролива за № 1779 от 1 марта 1924 г. мною получен, за что
приношу благодарность.

3/IV 1924 г.

К. Гриневич

Обращение К. Э. Гриневича в Главмузей 3 апреля 1924 года.
Из фондов ИИМК РАН НА РО

Лаврентий Алексеевич Моисеев (1882–1946), возглавивший в годы Гражданской войны, когда регион был надолго оторван от Петрограда, Археологическую комиссию, подчиненную Управлению народного просвещения при Главнокомандующем Вооруженными Силами Юга России, сыграл основную роль в деле получения К. Э. Гриневичем должности директора Керченским музея древностей в 1919 году. Тогда Константин Эдуардович находился на грани выживания и помощь Л. А. Моисеева была бесценной [1, с. 112–114]. С ноября 1920 года при новой власти Л. А. Моисеев получил должность заведующего

Лаврентий Алексеевич Моисеев

Севастопольским комитетом по делам музеев и охране памятников искусства, старины, природы и народного быта. В 1923 году в Севастополе появился комиссованный из ОГПУ по состоянию здоровья Ян Петрович Бирзгал (1898–1968), который возглавил Севастопольское музейное объединение. Бывший чекист, имевший контакты в ОГПУ, быстро нашел недочеты в работе Моисеева и сообщил в силовое ведомство о его якобы «финансовых злоупотреблениях» – незаконное возвращение конфискованных ценностей их владельцам, «хаотическое состояние» фондов Музея Севастопольской обороны и Археологического музея в Херсонесе, перерасход казенных средств [11, с. 138–139]. В столь сложной ситуации Гриневич принял решение на переезд в Севастополь. Первый месяц он работал в Херсонесе совместно с

Л. А. Моисеевым. Моисеев был арестован в июле 1924 года и около полугода провел в заключении. После освобождения из тюрьмы ученый не мог вернуться на работу, так как следствие продолжалось до октября 1926 года.

В данных обстоятельствах запланированная экспедиция в керченском районе теряла интерес. Поэтому К. Э. Гриневич в июне вновь обратился к В. А. Городцову: «В Археологический отдел Главнауки

К. Э. Гриневича
Заявление.

В виду того, что мной принято предложение КрымМузея занять должность уполномоченного по делам музеев Севастопольского района, я не смогу провести разведки в Керченском районе и настоящим обращаюсь с просьбой переменить в выданном мне Открытом листе адрес археологических разведок: вместо Керченского района – Западный угол Крыма, так называемый «Гераклейский полуостров» включая и Херсонес. Со мной (через месяц) будут работать 8 студентов Ленинградского университета и Географического института, которые подготовлены мной в течение зимы путем специальных семинарских штудий.

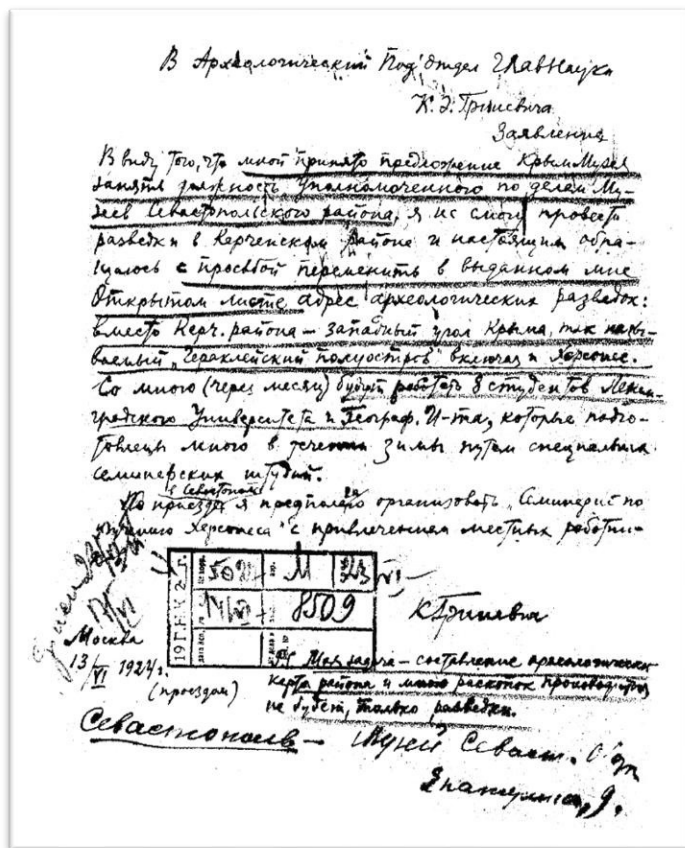
По приезду в Севастополь я предполагаю организовать «Семинарий по изучению Херсонеса» с привлечением местных работников.

К. Гриневич.

Москва. 13/VI 1924 г. (проездом).

P. S. Моя задача – составление археологической карты района и мною раскопок производиться не будет, только разведки.

Севастополь – Музей Севастопольской обороны. Екатерининская, 9» [8, л. 9].

Письмо К. Э. Гриневи́ча в Археологический подотдел Главнауки
13 июня 1924 года. Из фондов ИИМК РАН НА РО

По стилю письма можно заметить, как поменялась риторика Гриневи́ча. Он, скорее, не просит, тем более не рассказывает о невнимании к его персоне, а ставит курирующую организацию в известность о перемене планов. При этом изменение участка для работ по составлению археологической карты представлялось ему формальностью. Константин Эдуардович, имевший явную поддержку крымском наркомпросе, был уверен в результате — ему пойдут на встречу. Он делился с руководителем Археологического подотдела планами о создании всероссийского научного центра — Семинария по изучению Херсонеса. Эта идея представлялась новому уполномоченному Крыммузея по Севастополю более масштабной, чем предложенная еще в ноябре 1921 года Л. А. Моисеевым мысль об открытии Научно-исследовательской станции на базе херсонесских раскопок [12, л. 330–330 об.]. Сохранились представление Л. А. Моисеева в РАИМК об организации станции и

«Положение» о ее программе и работе [13, л. 6–6 об.]. Понятно, что в «голодном» 1921 году реализация такого проекта была сомнительной. Л. А. Моисеев вновь активно продвигал эту идею накануне своего ареста. В письме, адресованном в Российскую академию истории материальной культуры 5 июля 1924 года, он просил поддержки для организации в Херсонесе Первой научно-исследовательской станции для обслуживания всех научных учреждений СССР под эгидой РАИМК. При этом он уточнил, что во время поездки в Москву обсуждал этот вопрос с В. А. Городцовым и получил поддержку [14, л. 6–6 об.]. Эту идею активно поддержал археолог, проводивший раскопки на территории античной Ольвии, ученый секретарь РАИМК Борис Владимирович Фармаковский. Он составил проект временного положения о Первой археологической станции Российской академии истории материальной культуры [14, л. 1].

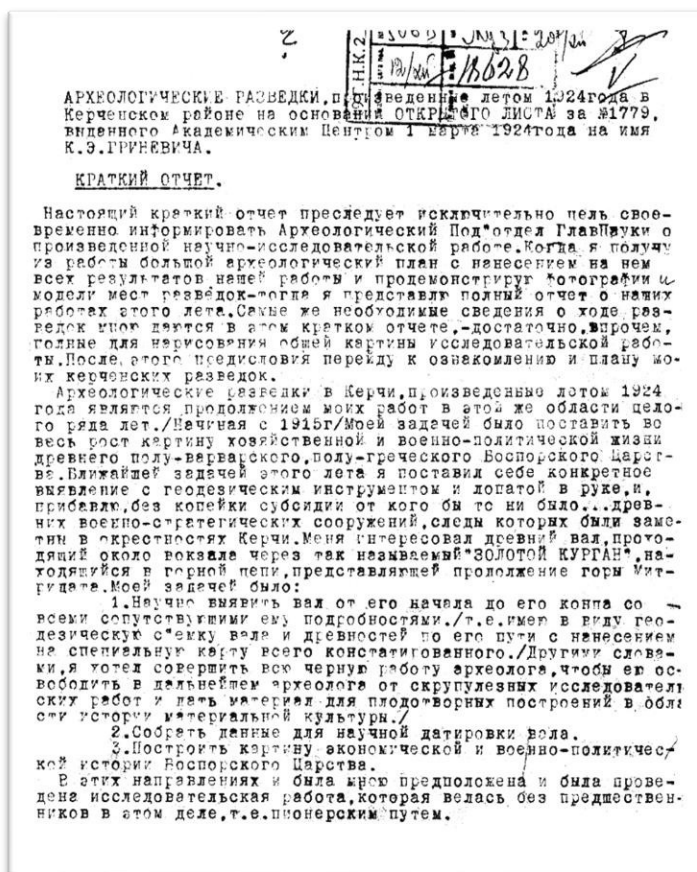
Конечно, Гриневица не устраивала идея патроната над новой научной структурой в Херсонесе Российской академии истории материальной культуры, с которой он не ладил. Параллельно с заботами Моисеева, появившийся в середине июня 1924 года в Херсонесе Гриневиц организовал на основе местных научных сил, без участия столичных авторитетов, Семинарий по изучению Херсонеса, который начал свои заседания. Об этом новый уполномоченный сразу же сообщил в местной прессе [15]. Судя по представленным Гриневицем в РАИМК дневнике работы Семинария и отчете о его деятельности в 1925 году, Константин Эдуардович продвигал свое «детище» и пропагандировал его среди заезжих археологов [16, л. 3–6].

Но вернемся к заявлению Гриневица в Археологический подотдел. На обороте данного документа – размашистая резолюция заведующего Археологическим подотделом: «Просьбу отклонить. Заведующий подотделом В. А. Городцов. 27 июня 1924 г.» [8, л. 9 об.]. Гриневицу ничего не оставалось, как отправиться в Керчь для проведения археологических разведок и составления археологической карты Керченского полуострова.

О произведенных им работах дает общее представление отправленный в РАИМК отчет: «Археологические разведки, произведенные летом 1924 года в Керченском районе на основании Открытого листа за № 1779, выданного Академическим центром 1 марта 1924 года на имя К. Э. Гриневица.

Краткий отчет.

Настоящий краткий отчет преследует исключительно цель своевременно информировать Археологический подотдел Главнауки о произведенной научно-исследовательской работе. Когда я получу из работы большой археологический план с нанесением на нем всех результатов нашей работы и продемонстрирую фотографии и модели мест разведок – тогда я представлю полный отчет о наших работах этого лета. Самые же необходимые сведения о ходе разведок мною даются в этом кратком отчете, – достаточно, впрочем, полные для нарисования общей картины исследовательской работы. После этого предисловия перейду к ознакомлению и плану моих керченских разведок.

Страница отчета К. Э. Гриневича об археологических разведках в Керченском районе в 1924 году. Из фондов ИИМК РАН НА РО

Археологические разведки в Керчи, произведенные летом 1924 года, являются продолжением моих работ в этой же области целого ряда лет. (Начиная с 1915 г.). Моей задачей было поставить во весь рост картину хозяйственной и военно-политической жизни древнего полу-варварского, полу-греческого Боспорского царства. Ближайшей задачей этого лета я поставил себе конкретное выявление с геодезическим инструментом и лопатой в руке, и, прибавлю, без копейки субсидии от кого бы то ни было... древних военно-стратегических сооружений, следы которых были заметны в окрестностях Керчи. Меня интересовал древний вал, проходящий около вокзала через так называемый «Золотой курган», находящийся в горной цепи, представляющей продолжение горы Митридата. Моей задачей было:

1. Научно выявить вал от его начала до его конца со всеми сопутствующими ему подробностями. (т. е. имею в виду геодезическую съемку вала и древностей по его пути с нанесением на специальную карту всего констатированного). Другими словами, я хотел совершить всю черную работу археолога, чтобы ею освободить в дальнейшем археолога от скрупулезных исследовательских работ и дать материал для плодотворных построений в области истории материальной культуры.

2. Собрать данные для научной датировки вала.

3. Построить картину экономической и военно-политической истории Боспорского царства.

В этих направлениях и была мною предположена и была проведена исследовательская работа, которая велась без предшественников в этом деле, т. е. пионерским путем. Для наилучшей подготовки этого вопроса я воспользовался стенами Ленинградского гос. университета, где в течение зимы и весны 1923–1924 гг. я прочел специальный курс «Археологическая топография побережья Керченского пролива». Меня слушало 10 человек, предполагавшие ехать со мною в Керчь. К сожалению, 6 человек отпали по техническим причинам, но 3 студента преодолели все трудности финансового характера (каждый ехал за свой счет) и поехали в Керчь. Эти сотрудники, помимо чистого археологической подготовки, имели сноровку в обращении с землемерными инструментами. Их имена:

1. Г. Д. Белов, студент, ныне окончивший Ленинградский университет;

2. Н. В. Эммлер, студентка;

3. Е. А. Янсон, студентка Академии художеств.

Работа была совершена в течение 15 дней, причем был трехдневный вынужденный перерыв, в следствие препятствий, которые начали чинить нам сотрудники местного отдела ГПУ, и которые были ликвидированы благодаря разрешению, полученному от ГПУ Крыма. В течение вышепоказанного времени мы с геодезическими инструментами, лопатами и фотографическим аппаратом прошли вал на всем его протяжении от Азовского моря до Черного, вернее, до залива этого Черного моря – нынешнего Чурубашского озера, а всего почти 30 верст. Осложняло работу то обстоятельство, что каждый раз на ночлег приходилось возвращаться в Керчь, пользоваться утренним или вечерним Солнцем для искания совершенно уничтоженных следов вала, а также затрудняли нас южные жары, стоявшие в это время. Надо заметить, что работа производилась в конце июля и начале августа!...

Работа началась, как показывает прилагаемым при сем дневник работ [рукой В. А. Городцова здесь поставлен знак вопроса, так как дневника К. Э. Гриневич не предоставил – А. Н.] с пункта наиболее близкого к Керчи – с Золотого кургана, причем этот памятник занял наше внимание: был нами составлен специальный план Золотого кургана с нанесением всей линии видимого горизонта для наилучшей ориентировки. Одновременно с этим была произведена разведка прилежащей кургану местности и даже для доказательства искусственности окружающих курган с севера терраса была произведена в 3 местах раскопка до материка. На основании всех этих работ Е. Янсон вылепила по моим указаниям модель курганов из глины с показанием возможной реставрации кургана. Фотография этой модели, хранящейся

ныне в Керченском музее, при сем прилагается. [Последние слова подчеркнуты В. А. Городцовым волнистой линией и поставлен знак вопроса – *А. Н.*].

Далее наша работа заключалась в систематическом «искании» во многих местах почти исчезнувшего вала, а также в фиксации найденного на плане. Подводя итог нашей двухнедельной работе, позволю себе, конкретности и краткости ради, сделать следующие научные выводы:

1. Впервые нанесен на карту на основании тщательного исследования древний вал и ров, идущий от Азовского до Черного моря и проходящий через Золотой курган в 3 верстах от Керчи, общей длиной около 30 верст.

2. Впервые установлена связь Золотого кургана с валом и установлена возможная датировка облицовки кургана (в системе «полигональной» кладки типа микенской) эпохой позднего эллинизма и господством римлян. Золотой курган – звено, часть системы укрепления Боспорского царства.

3. Получена приблизительная, но вполне научно обоснованная датировка 10 древних городищ, встреченных на пути вала, а также датировка на основании отношения вала к курганам цепи Юз-Оба, которые датированы эпохой конца IV столетия до РХ.

4. Кроме основного вала был обнаружен второй, параллельный основному, идущий по Керченской степи от Катерлезских гор до Золотого кургана.

Мои исследования я еще не окончил. Мне необходимо ознакомиться с целым рядом таких же памятников в окрестностях Керчи, о которых пока что я знаю только понаслышке. Настоящим заканчивая свой краткий отчет, прошу дать мне возможность закончить свои керченские работы, чтобы иметь возможность нарисовать полную картину истории, экономики и социально-политической жизни Боспора, – картину, до сих пор не написанную.

Ленинград.

8 декабря 1924 года [8, л. 17–19].

Просматривая отчеты за прошедший археологический сезон 27 марта 1925 года В. А. Городцов приписал: «Нет дневника и нет чертежей – В. А. Г.». Спустя четыре года Отто Николаевич Бадер (1903–1979), интересовавшийся археологическими исследованиями в район Керчи, сделал еще одну приписку: «Означенного дневника и чертежей не имеется и по сей день. 12/VII – 29. О. Бадер» [8, л. 19]. Это и понятно – руководящему работнику Музейного отдела Наркомата Просвещения РСФСР К. Э. Гриневичу тогда уже было не до этого [см. подробнее: 17].

К. Э. Гриневич упомянул трех сотрудников своей экспедиции, проходившей в 1924 году в окрестностях Керчи. Причинами «технического характера», отсеявших от участия в экспедиции основную часть слушателей его курса «Археологическая топография побережья Керченского пролива», который он успел прочесть в Ленинградском гос. университете до увольнения, стал отказ университета в финансировании. Среди поехавших за свой счет оказались интересные люди. Указанный первым Григорий Дмитриевич Белов (1898–1979) в 1924 году окончил факультет общественных наук Ленинградского гос. университета. В студенческие годы в Петрограде он с 1922 года преподавал в школе на Выборгской стороне на

проспекте Карла Маркса. Знакомство и работа с Гриневичем оказали определяющее влияние на его судьбу. С декабря 1925 года он уже служил сотрудником Херсонесского музея. С 1926 года Белов проводил самостоятельные раскопки, став вскоре заместителем директора, а в 1931–1933 годах – директором Херсонесского музея. С июня 1938 года Г. Д. Белов переехал на работу в Государственный Эрмитаж – античный отдел, где являлся хранителем античной скульптуры и материалов, поступивших из Херсонеса, руководил греко-римским отделением [18, с. 110–112].

«Студентка Академии художеств» Елена Александровна Янсон (1890–1971), указанная третьей, стала известным советским скульптором, художником и супругой выдающегося советского скульптора М. Г. Манизера. Она обучалась на скульптурном факультете Высшего художественно-технического института, как раз у своего будущего мужа.

К. Э. Гриневич широко популяризировал в научной и научно-популярной периодике результаты своих работ в керченском районе в 1924 году [19; 20]. 2 октября он все-таки получил новый Открытый лист на два месяца для проведения работ уже на Гераклеийском полуострове [8, л. 15].

Болезненной в это время для Гриневича оставалась проблема отсутствия контактов с РАИМК. Даже, скорее, негативное восприятие не только его исследований, но его самого в этом авторитетном научном учреждении. После его бегства из Керчи в конце июля 1921 года он приобрел в Академии имидж человека, бросившего в трудное время коллектив на произвол судьбы. Весьма спорным с этической стороны был и его приход на должность директора Херсонесского государственного музея, связанный с закрытием монастыря и арестом его предшественника Л. А. Моисеева. У многих коллег сложилось представление о том, что Гриневич сознательно освободил место для себя, расправившись с Моисеевым. Лаврентия Алексеевича хорошо знали и с уважением относились в РАИМК. Находясь на посту директора музея с выраженным археологическим профилем Константин Эдуардович предпринимал шаги для налаживания коммуникаций с ленинградскими археологами. Он решил напрямую обратиться к Николаю Яковлевичу Марру (1864–1934) – крупному российскому, советскому востоковеду-языковеду, археологу-кавказоведу, возглавлявшему РАИМК. Марр живо интересовался вопросами исторического кримведения и вел переписку с его лидерами [21; 22; 23, с. 212, 225]. Гриневич, находясь в середине октября 1924 года Ленинграде, пытался встретиться с академиком, но такой возможности не представилось. Отчаявшись получить личную аудиенцию, 17 октября 1924 года К. Э. Гриневич письменно обратился к председателю Академии истории материальной культуры Н. Я. Марру:

«Глубокоуважаемый Николай Яковлевич.

Мне так и не удалось дожидаться Вас в Ак[адемическом] Центре, в Академии я Вас не застал, и так как я очень хочу поделиться с вами некоторыми важными для меня соображениями, то разрешите это сделать в форме частного письма. Пишу вам эти строки как к Председателю АИМК именно в форме частного письма, на которое

прошу так и смотреть. То, о чем я буду говорить, является для меня большим вопросом и я долго не решался говорить о нем (я не люблю шуметь), целых два года! – но в результате моего оставления этого вопроса открытым, я затерт, мои работы не печатаются, а Вы лучше меня знаете, как важно для молодого ученого иметь печатные «опусы», я сам 75% своего времени должен отдавать постороннему труду (работа на Рабфаке, сотруднячание [так в тексте – *А. Н.*] в журналах не по специальности...). Годы идут, лучшие годы, этого пропуска не вернуть, и я невольно оказываюсь в хвосте научной работы, для которой я так много уже отдал времени и сил... Что делать? Помогите мне. А помощь нужна вот в чем: уже с 1915 года я идеологически связан с Археологической Комиссией, вся моя работа над древностями нашего классического юга связывает меня в смысле общностей заданий с Вашим учреждением, которое почему-то смотрит на меня совершенно по непонятным для меня причинам в высшей степени косо и враждебно. Мои доклады снимались с очереди, меня изолировали (не говоря уже о сокращении, когда мне было предложено вместо штатного регистратора – смешно быть регистратором с 6 летним стажем самостоятельной исследовательской работы в Университете, как приват-доцента – было предложено быть сверхштатным научным сотрудником, а потом запрещено даже было и так именоваться и, что было особенно чувствительно, мои доклады (о таманском саркофаге – помните?, о реставрации одного краснофигурного обломка) не печатались, лежа по 15–20 месяцев без надежды увидеть свет... И сейчас эти доклады у меня как специально археологические, напечатать их нигде... Их ценность проверена Б. В. Фармаковским.

Скажите, я мог работать при этих условиях, видя, что главной причиной было просто то, что физиономия моя, вероятно, кому-нибудь не понравилась... и всюду идет это отношение, замеченное даже москвичами: Академия, не могущая меня не знать с 1915 года, как работника в области юга Росси, почти оказывает в выдаче мне Открытого листа, и не на раскопки, а на разведки... Далее, инцидент с организованным мною в Севастополе Семинарием? А последняя гнусная клевета на меня, будто я... арестовал Моисеева? И даже Вы попались на удочку, поверив этой гнусной порочашей моё имя клевете, не потрудившись её проверить... разве все это идет не из Академии?

Не смотрите на это письмо, будто я прошусь к Вам на службу, но с чисто государственной точки зрения скажите, разве нормально оставлять за бортом многолетнего квалифицированного работника, на которого столько сил истрачено государством, а наполнять учреждения иным элементом? В прочем, что не мое дело... Когда нас всех сняли с ак[адемического] пайка, я почти голодал, я должен был заняться и теперь занимаюсь на 75% посторонней литературно-учебной работой, и в то же время героически, именно, героически продолжаю свои работы в любимой области. Но я вчетверо медленней иду по своей дороге...

Словом, как будто выходит, что Академия не концентрирует молодые силы вокруг себя, а как будто их душит, да, именно душит, ибо иначе я не могу назвать политику Ак[адемии] по отношению ко мне...

Теперь мне предложено заведование Херсонесом, который идеологически связан с Академией, где будут работать сотрудники Академии и т. д. Скажите, нормально все то, о чем только что говорил и как связать все это? Надо во что бы то ни стало

пользу дела поставить выше личных отношений... Скажите, разве нормально, что мне 2 года отказывали в Эрмитаже в занятиях над акварельными керченскими вазами? Я деликатен, не хотел шуметь, но факт возмутительный <...>.

К. Гриневич.

ул. Халтурина, 5, кв. 8.

Спросите Орбели, что стало с моим, довольно большим исследованием об ушебти, последнюю корректуру он мне отдал в 1918 году? Кажется, он повинен в оставлении за бортом уже набранного текста (для Зап. Восточного отделения Русского Археологического О[бществ]ва» [24, л. 1–1 об.].

Таким образом, ясно, что неординарные организационные способности, проявленные К. Э. Гриневичем на посту директора Керченского музея древностей, не были забыты и он и далее привлекался к работе в Археологической комиссии, но не в той мере, как ему хотелось. А назначение в Херсонесе еще раз подчеркивает симпатию к его деятельности руководившего АИМК Н. Я. Марра. Кстати, рукопись К. Э. Гриневича «Египетские погребальные статуэтки «ушебти»» нам удалось выявить в личном архивном фонде академика И. А. Орбели [25, л. 1–12].

К. Э. Гриневич познакомился с упомянутым в письме авторитетным кавказоведом Иосифом Абгардовичем Орбели еще в досоветское время, когда последний являлся секретарем Восточного отделения (1914–1918) Русского археологического общества. В 1918–1920 годах И. А. Орбели стал ученым секретарем вновь созданной Коллегии по делам музеев при Российской государственной археологической комиссии. С 1918 года он, как один из активнейших организаторов трансформации императорской Археологической комиссии в Российскую академию истории материальной культуры, также – член совета РГАК – РАИМК. Поэтому И. А. Орбели очень болезненно воспринял его бегство из Керчи и тот факт того, что коллектив музея древностей был брошен Гриневичем на произвол судьбы.

Обращение к Марру, как оказалось, не помогла Гриневичу затушевать личную неприязнь к нему в Ленинграде. Так, к теме взаимоотношений с И. А. Орбели К. Э. Гриневич возвратился в письме к Н. Я. Марру от 28 октября 1926 года: «Орбели продолжает меня травить. Боюсь, что дело об этом придется мне перенести в Секцию научных работников, если он не уймется. Я же не могу допустить безнаказанного опорочения моего доброго имени» [24, л. 2].

Таким непростым, во многом рубежным был для Константина Эдуардовича Гриневича 1924 год, открывший в его биографии знаковый период руководства Херсонесским археологическим музеем. Описанные события позволяют понять мотивацию дальнейших шагов историка и организатора науки, выстраивание им линий интеллектуальных и карьерных коммуникаций.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. «Я собираюсь приват-доцентствовать в Таврическом университете»: К. Э. Гриневич в Крыму (1919–1921) // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.
Непомнящчій А. А. «YA sobirayus' privat-docentstvovat' v Tavricheskom universitete»: K. E. Grinevich v Krymu (1919–1921) // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Istoricheskie nauki. – 2017. – Т. 3(69), № 2. – С. 111–122.

2. Научный архив Государственного историко-археологического музея-заповедника «Херсонес Таврический», д. 148, л. 101.
Nauchnyj arhiv Gosudarstvennogo istoriko-arheologicheskogo muzeja-zapovednika «Hersones Tavricheskij», d. 148, l. 101.
3. Непомнящий А. А. Боспорский университет: «Необходимость создания такого центра является сейчас насущной потребностью» // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории / Ин-т всеобщей истории РАН.– Москва, 2020.– Вып. 72.– С. 391–404.
Nepomnyashchij A. A. Bosporskij universitet: «Neobhodimost' sozdaniya takogo centra yavlyaetsya sejchas nasushchnoj potrebnost'yu» // Dialog so vremenem: al'manah intellektual'noj istorii / In-t vseobshchej istorii RAN.– Moskva, 2020.– Вып. 72.– С. 391–404.
4. Непомнящий А. А. Профессор Митрофан Довнар-Запольский: крымские страницы биографии // Вопросы истории.– 2019.– № 11.– С. 175–185.
Nepomnyashchij A. A. Professor Mitrofan Dovnar-Zapol'skij: krymskie stranicy biografii // Voprosy istorii.– 2019.– № 11.– С. 175–185.
5. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 70.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 70.
6. СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 192.
SPbF ARAN, f. 155, op. 2, d. 192.
7. Сорокина И. А. Работа археологического подотдела в системе Наркомпроса РСФСР в 1923–1926 годах: планы и реальность // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки.– 2019.– Вып. 4.– С. 101–108.
Sorokina I. A. Rabota arheologicheskogo podotdela v sisteme Narkomprosa RSFSR v 1923–1926 godah: plany i real'nost' // Izvestiya Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. Istoricheskie nauki.– 2019.– Вып. 4.– С. 101–108.
8. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 171.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1924 g.), d. 171.
9. ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 1, д. 10618.
CGIA SPb., f. 14, op. 1, d. 10618.
10. ЦГА СПб., ф. Р-4331, оп. 42, д. 675.
CGA SPb., f. R-4331, op. 42, d. 675.
11. Прохорова Т. А. «Дорогой мой Котуська»: неизвестное письмо Лаврентию Алексеевичу Моисееву // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: матер. науч. конф. Севастополь, 18–22 сент. 2023 г. / Гос. ист.-арх. музей-заповедник «Херсонес Таврический»; Под ред. А. В. Зайкова, Д. А. Костромичева.– Севастополь; Москва: Буки Веди, 2023.– С. 137–142.
Prohorova T. A. «Dorogoj moj Kotus'ka»: neizvestnoe pis'mo Lavrentiyu Alekseevichu Moiseevu // Antichnye relikvii Hersonesa: otkrytiya, nahodki, teorii: mater. nauch. konf. Sevastopol', 18–22 sent. 2023 g. / Gos. ist.-arh. muzej-zapovednik «Hersones Tavricheskij»; Pod red. A. V. Zajkova, D. A. Kostromicheva.– Sevastopol'; Moskva: Buki Vedi, 2023.– С. 137–142.
12. ГАРФ, ф. А-2307, оп. 3, д. 316.
GARF, f. A-2307, op. 3, d. 316.
13. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1921 г.), д. 76.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1921 g.), d. 76.
14. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1924 г.), д. 65.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1924 g.), d. 65.
15. Гриневиц К. Новый подход к Херсонесу // Красный Крым.– 1924.– № 162(1080).– 18 июля.– С. 5.
Grinevich K. Novyj podhod k Hersonesu // Krasnyj Krym.– 1924.– № 162(1080).– 18 iyulya.– С. 5.
16. ИИМК РАН НА РО, ф. 2, оп. 1 (1925 г.), д. 120.
ИМК РАН НА РО, f. 2, op. 1 (1925 g.), d. 120.
17. Непомнящий А. А. Советская историческая наука в зеркале личных связей: переписка К. Э. Гриневица и С. Ф. Платонова (1927–1929) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

Nepomnyashchij A. A. Sovetskaya istoricheskaya nauka v zerkale lichnyh svyazej: perepiska K. E. Grinevicha i S. F. Platonova (1927–1929) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2024.– Т. 26, № 2.– С. 181–193.

18. Калашник Ю. П. Г. Д. Белов (1898–1979) // Сообщения Государственного Эрмитажа.– Санкт-Петербург, 2005.– Т. 63.– С. 110–113.

Kalashnik YU. P. G. D. Belov (1898–1979) // Soobshcheniya Gosudarstvennogo Ermitazha.– Sankt-Peterburg, 2005.– Т. 63.– С. 110–113.

19. Гриневиц К. Археологические исследования в Керчи // Новый Восток.– 1924.– № 6.– С. 524–525.

Grinevich K. Arheologicheskie issledovaniya v Kerchi // Novyj Vostok.– 1924.– № 6.– С. 524–525.

20. Гриневиц К. Э. Новейшие раскопки в Крыму, лето 1924 года // Красный журнал для всех.– 1924.– № 11.– С. 847–854.

Grinevich K. E. Novejshie raskopki v Krymu, leto 1924 goda // Krasnyj zhurnal dlya vsekh.– 1924.– № 11.– С. 847–854.

21. Непомнящий А. А. Николай Марр и кривоведение 1920-х // Крымское историческое обозрение.– 2014.– № 1.– С. 46–67.

Nepomnyashchij A. A. Nikolaj Marr i krymovedenie 1920-h // Krymskoe istoricheskoe obozrenie.– 2014.– № 1.– С. 46–67.

22. Непомнящий А. А. «Хочу поделиться с Вами некоторыми важными для меня соображениями»: письмо К. Э. Гриневица к Н. Я. Марру // Исторический архив.– 2015.– № 4.– С. 65–70.

Nepomnyashchij A. A. «Hochu podelit'sya s Vami nekotorymi vazhnymi dlya menya soobrazheniyami»: pis'mo K. E. Grinevicha k N. YA. Marru // Istoricheskij arhiv.– 2015.– № 4.– С. 65–70.

23. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Библиография краеведения»; вып. 3).

Nepomnyashchij A. A. Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya.– Simferopol': Biznes-Inform, 2005.– 432 s., il.– (Seriya: «Bibliografiya krymovedeniya»; vup. 3).

24. СПбФ АРАН, ф 800, оп. 3, д. 276.

SPbF ARAN, f 800, op. 3, d. 276.

25. СПбФ АРАН, ф 909, оп. 5, д. 15.

SPbF ARAN, f 909, op. 5, d. 15.

Nepomnyashchy A. A. Between Kerch and Sevastopol: K. E. Grinevich in 1924

The research continues the storyline «Grinevich and Kerch», which was started by the author in previous years' publications. Based on the identified documents from the handwritten department of the Scientific Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences, which are being introduced into scientific circulation for the first time, the story of one year from the rich creative biography of Konstantin Eduardovich Grinevich (1891–1970), a prominent archaeologist and museum figure, has been recreated. The milestone period of the historian's biography was associated with his appointment as Commissioner for Museums of the Sevastopol region, and then director of the Chersonesos Archaeological Museum. Communications of K. E. Grinevich during this period are considered. The new head of the museum association in Sevastopol organized an All-Union scientific seminary for the study of ancient and medieval history on the basis of the Chersonesos Museum. However, his innovation was not supported by scientists from the Russian Academy of the History of Material Culture. The publication contains the text of K. E. Grinevich's brief report on the archaeological expedition he led on the Kerch Peninsula this year, the texts of his letters to the Archaeological Department of the Museum Department of the Main Science of the People's Commissariat of Education of the RSFSR.

Keywords: K. E. Grinevich, Kerch Historical and Archaeological Museum, Chersonese Archaeological Museum, Seminary for the Study of Chersonese, archaeological expedition to the Kerch Peninsula. Museum Department of the Main Science of the People's Commissariat of Education of the RSFSR.